

Огнивцев А. П.

2. 11. 91

Продолжатель великих традиций

К 70-летию со дня рождения Александра Павловича Огнивцева

Завтра спектаклем «Иоланта» Большой театр отмечает 70-летие со дня рождения народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Александра Павловича Огнивцева. Девять лет, что прошли со дня кончины этого замечательного певца-артиста, не изгладили из памяти коллег Александра Павловича и зрителей образы, созданные им на сцене Большого театра.

Напомним эти образы, обратимся к впечатлениям современников А. П. Огнивцева.

Образы, созданные на сцене Большого театра в 1949-81 гг.

- Досифей — «Хованщина» М. Мусоргского
- Гремин — «Евгений Онегин» П. Чайковского
- Пимен — «Борис Годунов» М. Мусоргского
- Дон Базилли — «Севильский цирюльник» Д. Россини
- Варяжский гость — «Садко» Н. Римского-Корсакова
- Король Рене — «Иоланта» П. Чайковского
- Иван Грозный — «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова
- Николай I — «Декабристы» Ю. Шапорина
- Бестужев — «Декабристы» Ю. Шапорина
- Борис Годунов — «Борис Годунов» М. Мусоргского
- Мефистофель — «Фауст» Ш. Гуно
- Князь Галицкий — «Князь Игорь» А. Бородина
- Филипп II — «Дон Карлос» Д. Верди
- Тезей — «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена
- Вожак — «Оптимистическая трагедия» А. Холминова
- Князь Николай Болконский — «Война и мир» С. Прокофьева
- Генерал — «Игрок» С. Прокофьева
- Тариэл — «Похищение луны» О. Тақтакишвили

На нашем оперном горизонте восходит новая звезда первой величины — это Огнивцев.

Антонина Нежданова, 1950.

На общественном просмотре «Хованщины» Александр Огнивцев в присутствии двух с лишним тысяч зрителей впервые в своей жизни вышел на сценические подмостки. Выступление дебютанта доставило подлинную радость слушателям, всему творческому коллективу театра и нам, постановщикам спектакля.

Леонид Баратов, 1950.

Огнивцев — певец необычайно чуткий и восприимчивый. Он всегда глубоко взволнован исполняемым произведением и умеет передать это волнение слушателям. Его великолепный, поражающий своей красотой и мощью бас в каждом произведении звучит по-иному, открывая перед слушателем все новые и новые тембровые краски, новые и новые динамические нюансы.

Иннокентий Попов, 1953.

Красивый выразительный голос и хорошая сценическая внешность позволили Александру Огнивцеву создать яркие вокально-сценические образы.

Евгений Иванов, 1956.

Замечательно, что у Александра Павловича Огнивцева голос, внешность, актерская сущность находятся в полной гармонии, создавая в комплексе образ русского богатырского склада, исполненного душевного величия, благородства и красоты.

Борис Хайкин, 1969.

Как щедро оказалась природа к нашему товарищу! В нем удивительно гармонично слилась и духовная, и физическая человеческая красота! И это не просто немая статичная красота, она передается людям через уникальной красоты голос певца, через

А. Огнивцев — Мефистофель («Фауст»).

его исключительно проникновенное сердечное актерское дарование.

Галина Вишневская, 1970.

А. Огнивцев — Досифей («Хованщина»).

А. Огнивцев — Борис Годунов.

Путь творческий его интересен, достижения блистательны. Особенно, если вспомнить, что он родился в семье, где хотя и любили попеть, но никаким образом к искусству не имели отношения. Но кто из людей не любит попеть? Да почти нет таких. Но совсем другое, когда человек чувствует непреодолимую тягу в пению, потребность в нем, желание сделать пение своей профессией. Это свидетельство яркого дарования.

Наталья Шпиллер, 1980.

Разве не фантастична судьба диспетчера железной дороги? Консерватория, многолетнее общение с такими корифеями русского музыкального искусства, как Нежданова и Голованов, сцена Большого театра, Досифей, Борис Годунов, Мефистофель, Гремин, около двадцати оперных партий. Триумф, гастроль в «Ла Скала», когда дети Шалаяпина специально приезжали в Милан из Парижа послушать Огнивцева, а темпераментные, восторженные итальянцы кричали, скандируя: «Бам-бин-но Шалаяпин!». По игре случая обладатель великолепного баса Александр Павлович Огнивцев внешне похож на великого русского певца. Но в общем-то итальянцы не так

уж неправы, ибо в преемственности искусства, в продолжении русских оперных традиций Огнивцев и вправду дитя Шалаяпина.

Он и еще одним похож на своего великого предшественника: с поразительной щедростью и широтой, нисколько не щадя себя, отдает всего себя людям.

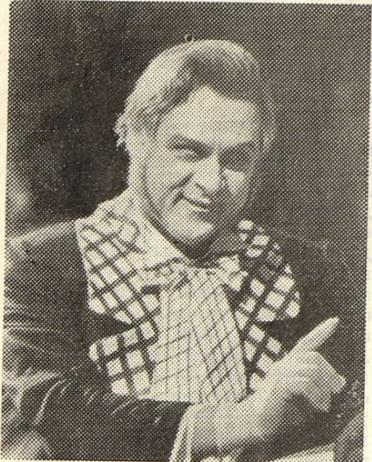
Владимир Солоухин, 1981.

Он был выдающимся певцом, великим артистом, человеком, в котором преданность театру жила до последней секунды, в котором жила атмосфера нескольких поколений артистов, уже ушедших из театра, из жизни.

Ирина Архипова, 1981.

Оперный театр был призванием, смыслом всей жизни Александра Павловича Огнивцева.

Анатолий Орфенов, 1981.

А. Огнивцев — Генерал («Игрок»).

Из персонажей пародийного толка наиболее примечательная фигура — Генерал. Великолепен А. Огнивцев в этой роли. Актеру удалось создать скульптурно вычерченный живой образ, соответствующий духу и романа Достоевского и музыки Прокофьева, но одновременно отнюдь не иллюстрирующий первоисточники. В исполнительской палитре

А. Огнивцев — Иван Грозный («Псковитянка»).

А. Огнивцева много психологически убедительных черт. Речь его то напыщенна и пронизана самоуверенностью, то наливается металлом, звучит с жесткой напористостью. Генерал труслив и инертен. Все происходящее вокруг он рассматривает как приращение к заветной цели (наследовать состояние Бабуленьки и жениться на Бланш) или удаление от нее. Он также играет, а не живет. Проигрыш свертывает его в ярость, и тогда с особой силой обнаруживается его внутренняя опустошенность. В диалогах с Бабуленькой и Маркизом тон у Генерала заискивающий, молящий; в беседах с Алексеем, в зависимости от ситуации, жесткий, нетерпеливый либо жалостливо-успокаивающий, отечески теплый.

Певец превосходно слышит оркестровый план оперы, который у Прокофьева редко дублирует вокальным, скорее вступает с ним в психологический контрапункт. Так, например, неискренность сожаления («Наша бедная Бабуленька совсем плоха») достигается контрастом звучания фраз, произносимых А. Огнивцевым то-скливно-сочувственно, и бравой молодцеватостью инструментального сопровождения.

Гиви Орджоникидзе, 1974.